

Этюд о гармонии гласных в негидальском языке, или негласные презумпции о гласных звуках

Вместо посвящения.

Психологи, наверное, подтвердят, что, оказываясь в сложных жизненных ситуациях, человек сталкивается с тем, что на поверхность из подсознания выходят неосознаваемые до того жизненные установки; как правило, это установки, заложенные в раннем детстве, и обычно в этом случае ему приходится их пересматривать. Точно так же и я, начав работать с тунгусо-маньчжурскими языками, поняла вдруг, что относительно полевой работы с фонетикой у меня есть две негласных установки: 1) заниматься фонологической системой – это не моя забота, моя забота – научиться слушать и распознавать то, что объяснит нам Сандро Васильевич Кодзасов; 2) самое сложное в фонетике языка – это система согласных, с гласными проблем не бывает. Понятно, откуда эти установки взялись: мое «лингвистическое детство» проходило в Дагестане, на первом занятии в поле Сандро Васильевич, призвав информанта, учил нас, что надо слышать и записывать, а системы согласных в дагестанских языках действительно беспрельдно сложнее систем гласных. Увы, занятия тунгусо-маньчжурскими языками заставили меня радикально пересмотреть обе презумпции. Во-первых, не всегда есть авторитетное описание фонетики, на которое можно опираться в полевой работе, и в некоторых случаях приходилось разбираться самим; а во-вторых, оказалось, что во-многих языках проблемы возникают именно с гласными звуками.

1. Негидальский язык¹.

Негидальский язык относится к группе-тунгусо-маньчжурских языков, которая в свою очередь входит в алтайскую языковую семью. Классификаций тунгусо-маньчжурских языков внутри группы существует несколько (см., например, обзор в [Цинциус 1948]), однако места негидальского языка в этой классификации разногласия обычно не касаются – вместе с эвенкийским и эвенским он попадает в северную подгруппу тунгусо-маньчжурских языков.

Сам негидальский язык делится на два говора – верховской и низовской (см., например, [Цинциус 1982]). Носители низовского диалекта проживали вдоль Амура, например, в селах Тыр, Белоглинка Ульчского района и в городе Николаевск-на-Амуре. На верховском диалекте говорили негидальцы, проживавшие на реке Амгунь – в частности, в селе Владимировка района имени Полины Осипенко.

В настоящий момент социолингвистическая ситуация с негидальским языком сложилась весьма трагичная: язык относится к числу вымирающих. Насколько мне известно, носителей, хорошо владеющих низовским диалектом негидальского, не осталось – по крайней мере в местах компактного проживания, в селах Тыр и Белоглинка². В селе Владимировка проживают трое последних носителей верховского диалекта негидальского языка – это Анна Порфирьевна Надеина, 1917 г.р., и две ее дочери – Надеина Дарья Ивановна и Кандакова Галина Ивановна³.

¹ Полевая работа по негидальскому языку велась при поддержке грантов РГНФ 06-04-18012е, 07-04-18018е и при поддержке грантов Программы документации вымирающих языков (ELDP, SOAS, Лондон) PPG 0013 и MDP 0151.

² В 2005 году С.Ю. Толдова и В.Ю. Гусев специально предприняли поездку в с. Белоглинка с целью поиска возможных носителей низовского диалекта негидальского. Поиски успехом не увенчались.

³ Во Владимировке есть ряд людей, хорошо владеющих языком пассивно – то есть, способных понимать и переводить устные тексты, например, это Казарова Антонина Васильевна и Охлопкова Любовь Ивановна. Я выражаю здесь глубокую благодарность и признательность всем, кто работал с нами над документацией негидальского языка в селе Владимировка.

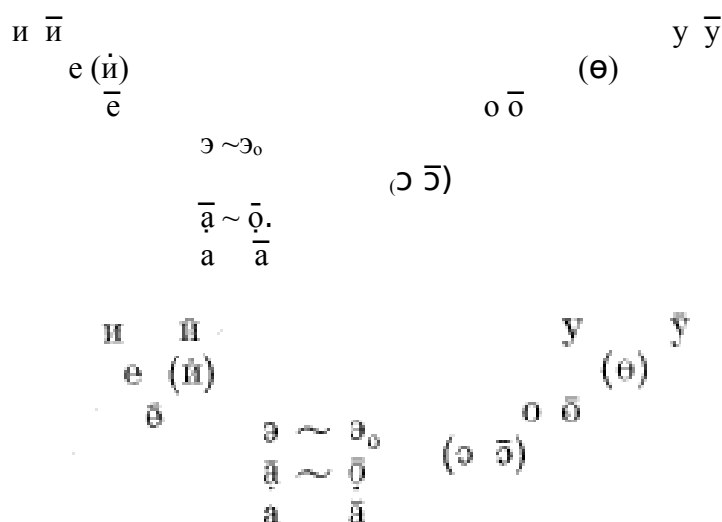
Документация говоров негидальского языка распределяется заметно неравномерно. Можно утверждать, что низовской говор документирован несколько лучше – так, в книге [Pevnov, Khasanova 2003], к которой прилагается еще и компакт диск со звуковыми записями, тексты от носителей низовского говора занимают где-то две третьих от общего объема. В книге [Цинциус 1982] тексты от носителей низовского говора составляют около трех четвертей от общего объема корпуса текстов. В настоящий момент мы занимаемся документацией верховского говора – в первую очередь, в силу социолингвистической ситуации (последние носители негидальского говорят именно на верховском говоре), но с некоторой точки зрения это шанс исправить своего рода «историческую несправедливость» в отношении верховского говора негидальского языка.

2. Описание фонетики негидальского языка.

Гласные негидальского языка противопоставлены по трем основным признакам: ряду, подъему и долготе. Гласные более низкого подъема являются одновременно более широкими – чем выше подъем, тем уже гласный, иными словами, мы имеем корреляцию подъема с раствором.

В книге [Цинциус 1982: 17] система гласных негидальского языка приводится следующим образом:

Рисунок 1. Система гласных негидальского языка ([Цинциус 1982: 17])

Базовыми гласными в этой системе В.И. Цинциус считает гласные *и, э, у, о, а*⁴ (при помощи русской буквы *э* в кириллических орфографиях тунгусо-маньчжурских языков обозначается гласный, сердний между английской гласной *ə* и русской гласной *ы* – он более задний, чем *ə*, но более низкий, чем *ы*). Остальные по ее мнению являются фонетическими вариантами: так, гласный звук *е* является вариантом фонемы *и*, возникающим в первом слове в тех случаях, когда исторически этот *и* восходит к гласному так называемого твердого ряда. Аналогичным образом, в первом слове слова гласный *у*, восходящий к *у* твердого ряда, звучит близко к *о* в силу более низкого подъема языка. Ср. [Цинциус 1982: 14]:

Таблица 1

Эвенк.	Негид	
дил	дел	ГОЛОВА

⁴ В настоящей статье я буду использовать кириллическую транскрипцию, принятую у Цинциус, потому что окончательный вариант фонетической транскрипции, основанный на алфавите IPA, нами еще не выработан.

тукса-	токса-	бежать
--------	--------	--------

Далее, наибольшим числом фонетических вариантов обладает, по мнению В.И. Цинциус, гласный э: после губных согласных (*п, б, м, в*) он подвергается огублению – в этом случае в книге принято написание э̄:

- (1) пэ̄ктира̄вун ружье
ӯсйвэ̄ ремень [Цинциус 1982: 16]

После среднеязычных согласных (*ч, ж, н', й*) появляется *e* как аллофон гласного э̄ (таким образом, возникает предположение о том, что гласный *e* в негидальском самостоятельного фонологического статуса не имеет): жеп- ← жэ̄п- 'есть (принимать пищу)!'.

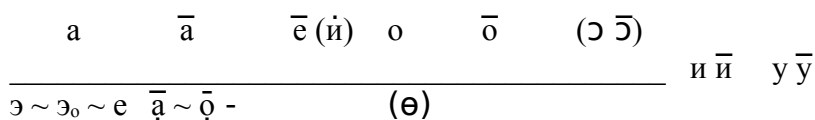
Наконец, на произношение гласного э̄ оказывает воздействие долгота: в долгом варианте этот гласный, как считает Цинциус, произносится как нечто среднее между *a* и *o*, принимая под воздействием количественного фактора особый качественный оттенок – такое произношение Цинциус отмечает знаком $\bar{a} \sim \bar{o}$.

Таким образом, у гласного э̄ выделяется пять фонетических вариантов произношения: э̄, э̄̄, e, \bar{a} , \bar{o} .

То есть, если вернуться к схеме гласных, предложенной в книге Цинциус, то можно заметить, что негидальская система предстает так: базовые гласные фонемы *и, у, o, э, a* оказываются словно островами посреди континуума фонетических вариантов, через которые фонемы как бы «перетекают одна в другую». При этом никак не комментируется статус вариантов, помещенных на сехе в скобки – это (ɔ̄) и ɵ.

Обратимся к схеме гармонии гласных в негидальском, которая, согласно В.И. Цинциус, выглядит следующим образом [Цинциус 1982: 17]:

Рисунок 2. Ряды гармонии гласных в негидальском языке ([Цинциус 1982: 17])

На этой схеме мы видим, что в один ряд попадают гласные *a, o* (плюс соответствующие долгие) и *e* (плюс соответствующая долгая), являющиеся вариантом фонемы *и*. В другом ряду фактически оказывается одна фонема – э̄ – со всеми ее фонетическими вариантами.

Интересно, что такая концепция системы гласных, когда автор рассматривает фонетические варианты практически наравне с фонемами и вносит эти варианты в треугольник гласных, характерна также для описания эвенкийской системы гласных, выполненного выдающейся исследовательницей Г.М. Василевич [Василевич 1940].

Таблица 2. Гласные звуки в эвенкийском языке [Василевич 1940: 14]

	По подъему	По ряду					
		Передние		Средние		Задние	
		губные	негубные	губные	негубные	губные	негубные
Узкие	Верхние	[ȳ]	ӣ	ȳ	ӣ	ӯ	[ы]
Широкие	Средние	[ö]	ē	[ō ō]	э̄	ō	
	Нижние		[ǟ ǟ]		[ā ā]		ā

По таблице мы видим, что Г.М. Василевич также выделяет большое число вариантов, сходных с теми, что фигурируют у В.И. Цинциус, но она считает эти варианты произношения диалектными: «звук y как вариант y , звук $ö$ как вариант звука $э$, звук $ы$ как вариант звука $и$, встречаются в говорах, распространенных в эвенкийских районах Якутии и Хабаровского края среди эвенков, говорящих в быту на якутском языке. Звук o \bar{o} , как вариант $э$ $\bar{э}$, встречается в некоторых окающих говорах северных диалектов, распространенных в Катангском нацрайоне и в Илимпийском районе Эвенкийского округа, а также в отдельных говорах Восточных диалектов. Звуки $\bar{ä}$ $\bar{ä}$, \bar{a} \bar{a} как вариант $э$, встречаются в акающих говорах Южных и Восточных диалектов (на восток от Байкала и в Приамурье). Таким образом, гласные звуки $э$, y имеют следующие варианты: $э \sim \bar{o} \sim o \sim a \sim \bar{ä} \sim ы; y \sim \bar{y}; и \sim ы$ » [Василевич 1940: 14-15]. То есть, видно определенное сходство между континуумом видов произношения, предлагаемых у В.И. Цинциус и у Г.М. Василевич. А вот например в описании языка Сахалинских эвенков Н.Я. Булатова [Булатова 1999] предлагает уже «дистиллированную» систему гласных, без вариантов, где присутствуют только гласные фонемы $a, u, y, o, э$ (плюс соответствующие долгие гласные) и долгий гласный e .

3. Проблемы в описании негидальских гласных

Казалось бы, что раз в описании фонетики перечислены все условия, при которых встречается тот или иной вариант фонемы, то в словаре вполне можно перейти к фонематической записи. Тем не менее, в словаре В.И. Цинциус все слова записаны в фонетической, а не фонологической транскрипции, и это позволяет обратить внимание на ряд особенностей. Во-первых, часто встречаются случаи, когда звук $э_0$ появляется не в соответствии со сформулированным правилом – например, не появляется после губных согласных или появляется после негубных (например, заднеязычных). Вот несколько примеров появления неогубленного $э$ после губных:

- (2) вэхэ Н⁵ неловкий – о человеке
сэвэх $\bar{и}$, сэвэки Н, В бог, божество; идол – изображение божества
субэхэ Н лента для косы
кэмбэ- Н ворчать, брюзжать⁶
й $\bar{у}$ мэктэ Н новорожденный

Наоборот, гласный $э_0$ может возникать и после негубных:

- (3) гэ \bar{o} пкэт-/ч- Н выглядывать, показываться, появляться, вытягивать шею
хэ \bar{o} кул- В нагреваться

Далее, перед нами фактически минимальная пара – в одной и той же позиции, после губного m , появляется и огубленный $э$ и неогубленный:

- (4) мэнэб мэнэкэн Н, В 1. немного; 2. небольшой
мэ \bar{o} нэв- Н оставить, бросить

Наконец, мы видим, что в начальной позиции может появляться и $э$, и $э_0$, что никак не соответствует концепции $э_0$ как варианта $э$, появляющегося после губных согласных:

⁵ Буквы В и Н в словаре В.И. Цинциус обозначают говоры – верховской и низовской соответственно.

⁶ Глаголы в словаре В.И. Цинциус приводятся в виде основы; в своих записях мы также следуем этому принципу, так как в негидальском языке есть сложности с выбором словарной формы глагола – приводить основу в этом смысле намного удобнее.

- (5) эдин Н, В ветер
 эдэ В обращ. муж.
 э̆дү Н, В 1. этому, у этого; 2. 1) здесь; 2) в это время
 эмугдэ Н, В живот, брюхо
 э̆мн̄ат ~ эмнэт Н, В 1) вдруг, сразу; 2) совсем, совершенно; 3) все время

Опять появляется минимальная пара:

- (6) э̆й Н, В этот
 эй- Н, В разгребать снег

Таким образом, возникает подозрение, что э̆ – не вариант фонемы э, а самостоятельный элемент фонологической системы. Подозрения возникают и относительно другого гласного, представляемого как долгий вариант э, а именно \bar{a} . В.И. Цинциус констатирует качественное различие между кратким э и долгим \bar{a} , но объясняет его воздействием долготы. У нас же есть основания пересмотреть место данного гласного в системе (предположение о том, что это качественно иная фонема, не связанная с э, высказывается и в работе [Ревнов, Khasanova 2003])⁷ – обращает на себя внимание его роль в гармонии гласных. Третий вопрос, который ставится в связи с системой гласных в негидальском языке – это именно вопрос о гармонии гласных. Как видно на рисунке 2, гласные *и* и *у* (со своими долгими вариантами) находятся как бы вне гармонии, они могут встречаться в словах обоих рядов. Тем не менее, если посмотреть внимательно слова, начинающиеся на *и* (я просмотрела весь раздел в словаре), то есть, слова с корневым гласным *и*, то там не встретилось *ни одного слова*, где гласный *и* попадался бы одновременно с гласным *о*; вместе с гласным *а* гласный *и* попадает ровно один раз – в слове *исивеска*, 'свечка', которое является заимствованием из русского языка (верховской говор); гласный *е* в словах, начинающихся с *и*, тоже не встречается – кроме тех случаев, когда это вариант э после палатализованного согласного:

- (7) ин'е- ~ ин'э- Н, В смеяться

Резюмируя, можно сказать, что в словах с корневым гласным *и* (начинающихся с *и*) попадают только гласные ряда э – это, кроме самого э, э̆ и $\bar{a} \sim \bar{o}$. Абсолютно аналогичная ситуация имеет место и в словах, начинающихся с гласного *у* – звук *а* в таких словах встретился 2 раза (один раз в заимствовании из якутского, *уранкай* «живой» (о человеке) и один раз – в названии негидальского рода *Удан*), а звук *о* – один раз:

- (8) уддонин В потроха медведя

В остальных случаях слова, начинающиеся с гласного *у*, содержат только гласные ряда э (те же, что перечисляются в предыдущем случае). Сравните, например, вид уменьшительного суффикса в следующих словах:

- (9) умулгитк̄ан̄ ~ умулгитк̄эн В совенок
 асатк̄ан̄ Н, В 1. девушка, девица; 2. молодая

Эти данные, полученные из словаря, позволяют предположить, что гласные *и* и *у* не вполне нейтральны по отношению к гармонии гласных. Перейдем к анализу звукового материала.

⁷ Вопрос о статусе гласных *е* и \bar{e} также требует изучения, но в рамках настоящей статьи рассмотреть его полностью не представляется возможным.

4. Данные полевой работы и анализ звуковых записей негидальского языка.

Сначала я покажу, что гласный ε_0 все же не является вариантом фонемы ε , а имеет фонематический статус. Далее, с учетом этого факта и признавая фонематический статус \bar{a} , можно показать устройство гармонии гласных в негидальском на основе двух противопоставлений: а) противопоставление по подъему – по подъему и раствору противопоставляются более широкие гласные более низкого подъема (a , o , \bar{e}) и более узкие гласные более высокого подъема (u , y , ε , \bar{a}); б) гласные ε_0 и \bar{a} выделяются в отдельную группу: они противопоставляются остальным как более задние. Что же касается гласных u и y , то каждая из них имеет по два варианта, отмечаемых у Цинциус (более открытые u и y менее высокого подъема, сходные соответственно с e и o , и более закрытые u и y более высокого подъема), и эти варианты распределены по двум гармоническим рядам: первая разновидность относится к первому ряду из описанных выше, а вторая разновидность – ко второму. Вопрос о статусе вариантов u и y как фонемных или как фонетических не может быть рассмотрен в настоящей статье из соображений объема и остается открытым – его предстоит решить в ходе дальнейших исследований.

4.1. Гласный ε_0

На основании звуковых записей, сделанных в ходе полевой работы, нам удалось установить следующее: действительно, фонема имеет огубленный вариант, который встречается после губных согласных (иногда перед ними), но одновременно с ним существует и фонема ε_0 - огубленный гласный, более задний, чем o , но ниже его по подъему. Установить это помогают записи негидальских слов в кириллической транскрипции, сделанные Дарьей Ивановной Надеиной, нашей информанткой. Так, например, фонетическая транскрипция слова 'человек' будет выглядеть в системе В.И. Цинциус как $b\bar{\varepsilon}ye$ (именно так оно записано в словаре), а в фонематической записи Д.И. Надеиной – как $b\bar{\varepsilon}y\bar{\varepsilon}$ (второе ε звучит как e после палатального y). Но в некоторых словах Дарья Ивановна считала нужным использовать особый знак - Θ , например, в слове $k\Theta k\Theta l\Theta$ 'рукавицы' (у В.И. Цинциус – $kokolo$). И это не случайно: с помощью носителей удалось обнаружить минимальные пары на различение всех трех гласных, - ε , ε_0 (которое Д.И. Надеина передавала как Θ) и o . Перед вами – «минимальная тройка», противопоставляющая все три гласных:

(10) olo - – 'рыбачить'

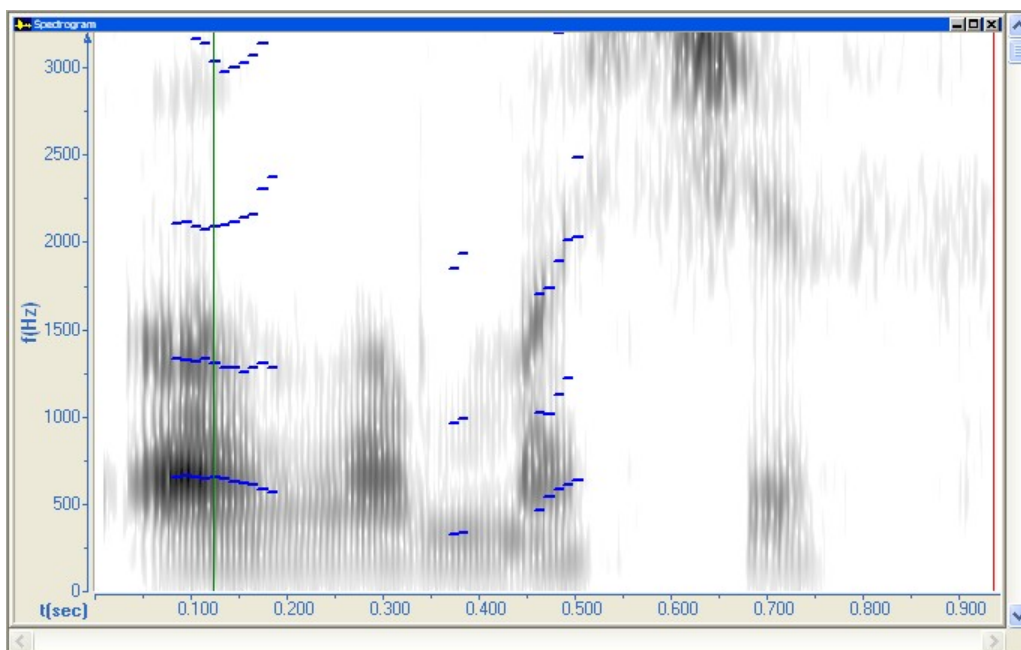

Рисунок 3 – Спектральный анализ формы *оломачис* 'ты рыбачишь' (диктор Д.И. Надеина)

(11) *элэ-* – 'наестся, насытиться'

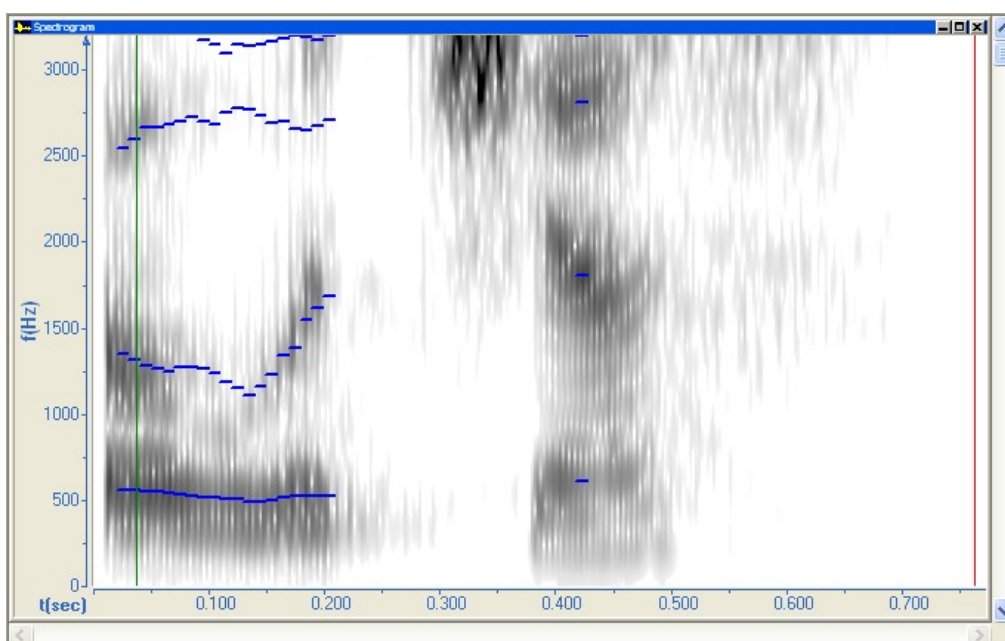

Рисунок 4 Спектральный анализ формы *элэ̄с* 'ты наелся' (диктор А.В. Казарова)

(12) *э̄лэ̄о.* 'испугаться' (это слово в словаре В.И. Цинциус отсутствует).

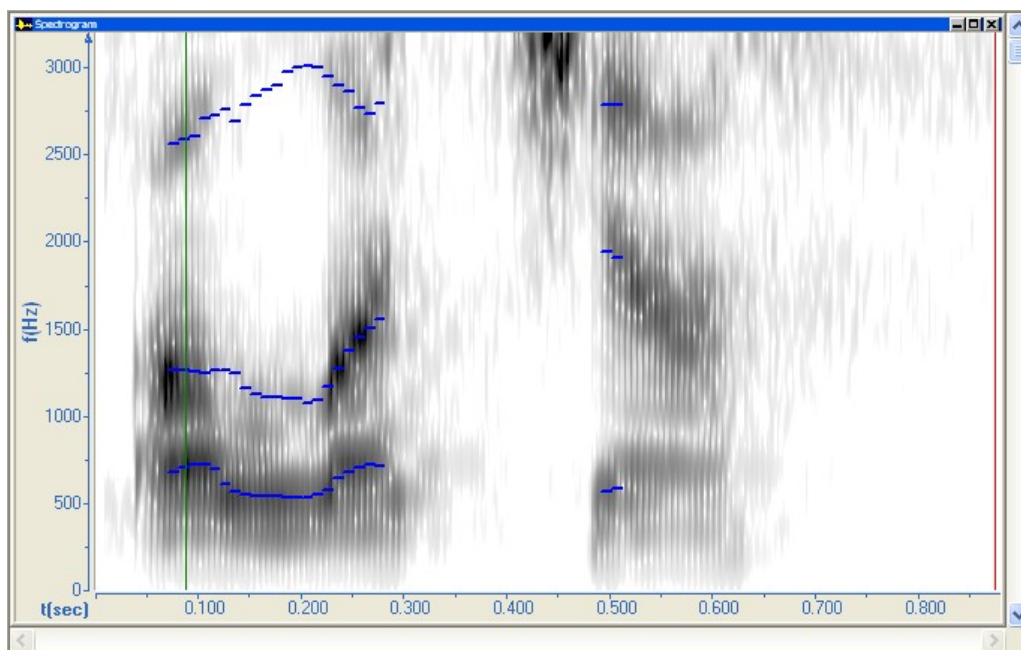

Рисунок 5 – Спектральный анализ формы *э_отэ_оч_ас* 'ты испугался' (диктор А.В. Казарова)

Действительно, все три звука по формантной структуре очень близки, и если бы не наличие минимальной тройки, можно было бы считать, что *э_о* – это вариант произношения. Очень приблизительный анализ при помощи программы Speech Analyzer дает следующую картину⁸:

Таблица 3. Формантная структура гласных *э, о, э_о*

Гласный	F1, Hz	F2, Hz	F3, Hz
э	appr 550	appr1300	2600
о	appr 600-650	appr1200	2100
э _о	appr 650-700	appr1300-1350	2500-2600

По таблице видно, что *о* – более высокий (и закрытый) гласный, но более передний, в то время как *э_о* – более задний, но более открытый.

На самом деле, негидальский – это не единственный тунгусо-маньчжурский язык, где есть такое тройное противопоставление фонем *э, о* и *э_о* – профессор Дзиро Икэгами обнаруживает его в орокском языке (Икэгами 2001а, 2001б), хотя в кратком описании Т.И. Петровой этот звук не выделяется⁹.

Следующий вопрос, который стоит в связи с фонологическим описанием негидальского языка, – это вопрос о статусе гласного *ḡ*. Как следует из приводимого представления системы гласных по (Цинциус 1982), автор считает этот гласный звук фонетическим вариантом *э*, одним из континуума вариантов произношения, где а-образность накладывается долготой. Тем не менее, Д.И. Надеина настаивала на том, чтобы

⁸ Конечно, полноценный анализ требует подсчета статистического распределения значений формант с учетом особенностей голоса диктора (например, у одного из дикторов, Д.И. Надеиной, голос отчетливо выше, чем у двух других, А.В. Казаровой и Г.И. Кандаковой). К сожалению, пока этого сделано не было. В данном случае я просто брала по два-три слова с каждым гласным и вычисляла среднее значение форманты – моей целью было получить предварительные оценки и проверить свое слуховое восприятие.

⁹ Летом 2007 года мы делали записи орокского словаря в с. Вал Ногликского района Сахалинской области – действительно, основания выделять фонему *э_о* налицо.

обозначать его той же буквой, то и звук ε_0 , то есть буквой Θ , с поправкой на долготу, то есть, как $\bar{\Theta}$. Основания для этого, безусловно, есть: как видно из таблицы 4, значения формант для звука \bar{a} очень близки к соответствующим значениям для звука ε_0 :

Таблица 4. Формантная структура гласных ε , o , ε_0

Гласный	F1, Hz	F2, Hz	F3, Hz
ε	appr 550	appr1300	2600
o	appr 600-650	appr1200	2100
ε_0	appr 650-700	appr1300-1350	2500-2600
\bar{a}	Appr.650	Appr. 1350	2600

Конечно, эти данные нуждаются в дополнительной проверке, но, принимая во внимание интуицию носителя, я буду считать гласный \bar{a} тем же гласным, что и ε_0 , но только обладающим дополнительным признаком долготы.

4.2. Гармония гласных в негидальском языке

Как я уже говорила, даже беглый просмотр словаря В.И. Цинциус позволяет увидеть, что корневые гласные u и i чаще всего встречаются «в компании» гласных ε и \bar{a} , что несколько противоречит ожиданиям – ведь они должны быть нейтральны в отношении гармонии гласных. С другой стороны, по нашим записям видно, что очень частотными являются слова со структурой гласных ε_0 - \bar{a} , как, например, в слове *сэ₀кт \bar{a}* - ‘пьяный’ (ср. *сэктэ* ‘подстилка из еловых веток’)¹⁰. Сразу следует сказать, что, несмотря на а-образное звучание, гласный \bar{a} является в некотором смысле полной противоположностью негидальского a . \bar{a} - гласный очень высокого подъема и достаточно сильно отодвинутый назад, в то время как негидальский a – очень низкий и открытый звук переднего ряда. Приведем приблизительные данные по формантной структуре негидальских гласных (как я уже говорила, эти подсчеты имеют исключительно оценочное значение). Я буду исходить из того, что фонемный состав негидальских гласных такой: u , y , ε , ε_0 , o , \bar{e} , a (долгие варианты есть у гласных ε_0 , u , y , o , a ¹¹). Статус фонемы e краткое нуждается в уточнении. С одной стороны, в большинстве слов, где звучит e краткое, оно на самом деле является открытым вариантом u , в [Булатова 1999], как я уже говорила, в описании фонетики языка сахалинских эвенков e краткое в фонетической системе также отсутствует (напомним, что В.И. Цинциус считает, что у гласных u и y есть более открытые варианты, звучащие близко к e и o , и это будет важно для дальнейшего обсуждения). Тем не менее, Д.И. Надеина в отдельных случаях настаивала на орфографическом написании через e . Этот вопрос заслуживает отдельного исследования. Пока я привожу отдельно таблицы для F1 и F2 (без краткого e), чтобы более наглядно представить соотношение гласных между собой по ряду и подъему отдельно.

¹⁰ В словаре В.И. Цинциус оно записано следующим образом: сокто- Н В опьянеть, сокточ \bar{o} - Н В опьяневший.

¹¹ В таблицах и на схеме я не буду приводить эти долгие гласные.

Таблица 5. Средние значения первой форманты у негидальских гласных.

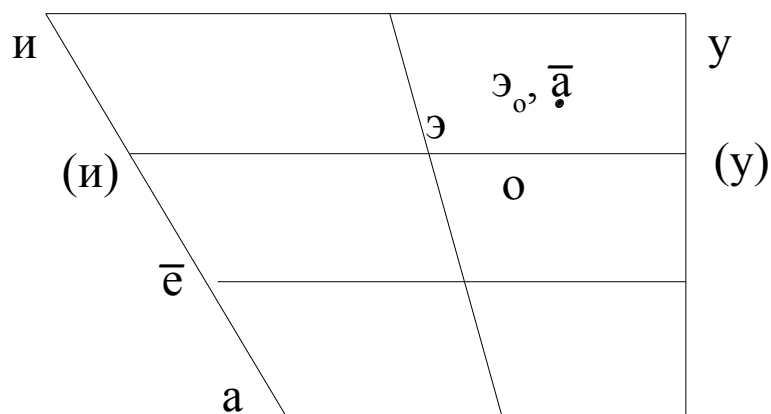
Гласный	F1, Hz
и	450-500
у	500
\bar{a}	650
э	550
о	600-650
э _о	650-700
\bar{e}	750
а	900-1000

Таблица 6. Средние значения второй форманты у негидальских гласных.

Гласный	F2, Hz
у	1000
э _о	1300-1350
о	1200
\bar{a}	1350
э	1300
\bar{e}	1500
а	1600
и	2000-2100

Предлагаемая на основе этих таблиц схема негидальских гласных теперь выглядит следующим образом:

Рисунок 3 Схема гласных негидальского языка

Таким образом, мы видим, что в негидальском языке принцип гармонии гласных основан на подъеме и растворе гласного: здесь одну группу образуют высокие гласные *и*, *у*, *э*, *э̄*, *а̄*, а другую – более низкие гласные *о*, *а*, *э̄*, при этом гласные *и* и *у* могут появляться в словах второго ряда, но в своих более низких вариантах (произносимых сходно с *е* и *о* соответственно, на схеме они заключены в скобки). Заметим, что противопоставление открытых и закрытых *и* и *у* вообще характерно для тунгусо-маньчжурских языков – оно отмечается для нанайского (Аврорин 1959), ороцкого (Аврорин, Болдырев 2003), кур-урмийского (Суник 1958). Очень часто встречаются вместе задние гласные *э̄* и *а̄*: как уже говорилось, в негидальском большое количество слов, имеющих такую вокалическую структуру.

Конечно, полноценное исследование фонетики негидальского языка еще только предстоит провести. Помимо всеобъемлющего анализа формантной структуры гласных с получением статистики и распределения, о котором уже говорилось, необходимо изучить принципы позиционной реализации гласных *и*, в частности, редукцию. Пока в качестве предположения можно лишь сказать, что при редукции происходит нейтрализация по подъему. Кроме того, отдельного изучения требует гармония гласных в грамматических показателях – аффиксах падежа, времени, наклонений, нефинитных форм глагола.

Литература

- Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т.1. М.-Л., 1959.
- Аврорин В.А., Болдырев Б.В. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск, 2001.
- Булатова Н.А. Язык сахалинских эвенков. Спб, 1999.
- Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Ленинград, 1940.
- Икэгами, Дз. Проект письменности уйльтинского языка. // Jirô Ikegami. Researches on the Tungus languages. Tokyo, 2001, pp. 145-153
- Икэгами, Дз. Письменная практика на уйльтинском языке – Дополнение к проекту письменности уйльтинского языка. // Jirô Ikegami. Researches on the Tungus languages. Tokyo, 2001, pp. 154-164.
- Петрова Т.И. Язык ороков (уйльта). Ленинград, 1967
- Суник О.П. Кур-урмийский диалект. Л., 1958
- Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Ленинград, 1949.
- Цинциус. В.И. Негидальский язык. Ленинград, 1982.
- Pevnov, A. M., Xasanova M. M. 2003. Myths and tales of the Negidals. With Preface by Toshiro Tsumagari. Publications on Tungus Languages and Cultures 21. Endangered languages of the Pacific Rim, A2-024. 2003.